

Зайдель Григорий Соломонович

Классовый враг на историческом фронте

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Соломонович З.**
Классовый враг на историческом фронте / Зайдель Григорий Соломонович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 236 с.

ISBN 978-5-519-85538-9

Доклады Г.Зайделя и М.Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА

ISBN 978-5-519-85538-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник представляет собой обработанные стенограммы докладов гг. Зайделя и Цвибака о Тарле и Платонове и их «школах» и прений по этим докладам, состоявшимся 29 января, 1, 12 и 16 февраля 1931 г., на объединенном заседании института истории и общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической академии. В прениях выступал ряд людей, вышедших из этих «школ» и пытавшихся выявить свое отношение к историческим концепциям своих учителей.

Дискуссия имела большое научно-политическое значение, в частности для Ленинграда, как это видно из прилагаемых писем, поступивших после окончания докладов в институт. Эти письма, несмотря на отдельные недоговоренности и умолчания о прошлых ошибках почти у всех авторов, свидетельствуют о том, что от «школ» Тарле и Платонова на сегодняшний день, собственно, уже ничего не осталось. О том же свидетельствуют, впрочем, выступления Кашина, Валка, Введенского и др., которые не только не в состоянии были во время дискуссии выдвинуть какие-либо аргументы в защиту исторических концепций своих учителей, но вынуждены были сами (каждый, конечно, по своему, в меру своего «отхода») подвергнуть критической проработке как свои собственные взгляды, так и взгляды Тарле и Платонова.

Поэтому совершенно комически звучит претензия господина Альбера Матьеа в последних его статьях представить дело таким образом, что историки-марксисты СССР говорят не от имени «всей исторической науки» нашей страны. Господин Альбер Матьеа, бывший член французской коммунистической партии, называвший себя «другом советской России», получивший за это от французской реакции кличку «профессора гражданской войны на кафедре Сорбонны», — напечатал в своих «Анналах» безграмотную статью какого-то неизвестного «русского профессора» Бушмакина, полную инсинуаций по адресу марксистской исторической науки.¹ «Друг советской России» не только напе-

¹ См. «Annales historiques de la Révolution française». 1930 г., № 5, статью N. Bouschmakine — «Le neuf Thermidor dans la nouvelle littérature historique».

читал эту безграмотную мазню, но и снабдил ее злопыхательским примечанием, свидетельствующим о том, что в лице Матьеа французская реакция получила нового трубадура и ненавистника рабочего класса и социализма. Что же, для Франции такого рода «перелеты» от пролетариата к буржуазии в среде коррумпированной интеллигенции — обычное явление: Альбер Матьеа имеет славных предшественников в лице нынешнего фашиста Мильерана, империалиста-«пацифиста» Бриана и многих других. Этим нас удивить трудно. Конечно, в своем примечании Альбер Матьеа, становясь в позу «разоблачителя», заявляет, что в СССР «историческую науку, которая есть не что иное, как истолкование текстов, подчиняют *априорной* догме, которая и является своеобразным марксизмом, понимаемым и применяемым в виде катехизиса».

Для Матьеа только историческая наука в странах капитализма и в писаниях Тарле и Платонова является беспристрастным «истолкованием текстов», а в СССР, по словам нового приспешника реакции, «история перестает быть независимой и покорно уступает давлению всемогущей политики, которая навязывает ей свои концепции, свои очередные лозунги, даже свои очередные выводы». Стоит только прочитать наши доклады и прения по докладам (повторяем, даже тех «учеников», которые от Тарле и Платонова «полуотходят»), чтобы убедиться в том, сколько «независимости» от господствующих классов и политики империализма было в «исторических трудах» Тарле и Платонова. «Независимость» суждений Альбера Матьеа становится независимостью от пролетариата и полной зависимостью от империалистической буржуазии, лишь только он переходит к атакам против советской науки. Это понятно у нас даже пионерам, — а Матьеа прикидывается наивным «надклассовым» «истолкователем текстов» — и думает этим кого-то провести.

В ответ на инсинуаторскую статью Бушмакина группа советских историков-москвичей (Авербух, Далин, Фрейдберг, Кунисский, Лукин, Моносов, Старосельский, Завитневич) обратились с письмом к Альберу Матьеу,¹ в котором показывают лицемерие заявлений последнего и напоминают Матьеу, что он в свое время выражал сам следующую правильную мысль: «Даже самый скрупулезный и беспартийный историк конструирует свое представление о прошлом, исходя, более или менее, из своего персонального опыта; он поддается, независимо от собственного сознания, впечатлениям окружающей его среды (*il sabit toujours, en dépit de lui-même, la pression des ambiances*)». Напоминание об

¹ «Annales historiques», № 2, 1931 г., статья Матьеа «...Choses des Russie soviétique».

этом особенно вывело из себя нашего «надпартийного» профессора. «Там, где я выражаю сожаление, там, где я оплакиваю ограниченность человеческого могущества, — бьет себя в грудь Матъез, — вы выпускаете крик радости, вы восхваляете бессилие, вы из этого делаете для вашего употребления доказательство, ставите себе это в заслугу». Бедный «марксист» Матъез (а ведь, он себя к ним причислял и, кажется, продолжает причислять)! Стоило ли быть названным «профессором гражданской войны» чтобы теперь перед всем миром засвидетельствовать свое полное непонимание основного тезиса учения Маркса о том, что человек будет свободен только в коммунистическом обществе и что в классовом обществе он скован в своих суждениях и действиях предрассудками и ограниченностью своего класса. Никто из советских историков не «восхваляет бессилия», как тщится это показать Матъез, а констатирует этот закон капиталистического общества и преодолевает его своим участием в построении социализма в нашей стране, в тяжелой борьбе за уничтожение классов, когда наука станет подлинно общечеловеческой. А пока классы не уничтожены, — каждый историк своей наукой служит тому или другому классу. И в миллион раз больше подлинного беспристрастия у тех историков, которые служат пролетариату, т. е. уничтожению «ограниченности человеческого могущества», — чем у хваленых «надпартийных» историков типа Матъеза, выступающих в союзе с темной реакцией против пролетарской исторической науки и, следовательно, за буржуазную — т. е. за увековечение этой классовой ограниченности науки, о которой так лицемерно сожалеет Матъез.

Стоит ли приводить дальнейшие высказывания Матъеза в ответ на упомянутое письмо московских историков-марксистов? Достаточно только указать на то, что Матъез третирует тов. Н. Лукина, как «историка» в кавычках, что, рассказывая по отчету газет о митинге советских ученых в Ленинграде против интервенции, бывший «друг советской Росси» берет под подозрение даже искренность заявлений академика Н. Я. Марра,¹ чтобы понять, как быстро Матъез из Павла превратился в Савла. Само собой разумеется, что господин Матъез, не взирая на факты, полностью поддерживает «голубиную чистоту» Тарле, а также «почтенного» Платонова.² Этим самым Альбер Матъез свидетельствует о том, что он не только не преодолел огра-

¹ Альбер Матъез цитирует следующее аутентичное заявление акад. Н. Я. Марра, сделанное им на митинге ученых в Ленинграде: «Мы твердо заявляем об этом сегодня: кто не с революцией, тот против нас, как бы безупречен он ни был в его собственных глазах и в глазах тех, которые думают, как он».

² «Annales historiques», № 2, ук. статья, стр. 152.

ниченности своего классового сознания, но стал открытым слугой французской реакции.

Тарле — прямой агент антантовского империализма, находился в теснейшем союзе с германофилом-монархистом Платоновым. Вместе с такими людьми как Любавский, Лихачев и др. они составляли центр контрреволюционного вредительства. Таким образом, по иронии судьбы, выступление Матьеа поддерживает не только антантофильствующего контрреволюционера Тарле, но и контрреволюцию германофильствующих профессоров монархистов.

Историческая наука — наиболее политическая из наук. Пролетариат, вступив в новый этап социалистического строительства — этап социализма, перешагнул через последние остатки буржуазной исторической науки. Историки буржуазии сходят с исторической сцены вместе с последними остатками буржуазных классов.

Мы надеемся, что наш сборник поможет более углубленно понять классовую сущность буржуазных исторических концепций, и даст оружие историкам-марксистам в дальнейшей борьбе с буржуазными историческими пережитками. Это оружие необходимо, т. к. эта борьба еще далеко не закончена.

ТАРЛЕ И ЕГО ШКОЛА.

Тема о вредительстве на фронте исторической науки имеет в настоящий момент актуальнейшее значение. Она теснейшим образом вытекает из современного этапа внутреннего и международного положения единственной в мире социалистической страны. Решительное наступление пролетариата СССР на последние остатки капитализма в городе и деревне вызывает бешеное сопротивление классового врага внутри страны и вне СССР. Вступая в третий, решающий год пятилетки, знаменующий собой завершение построения фундамента социалистической экономики, мы сталкиваемся с еще более судорожными усилиями враждебных классов помешать победному строительству социализма. Не подлежит сомнению, что обострение классовой борьбы в нашей стране, обострение противоречий между СССР и международным империализмом — на данном этапе будет все усиливаться.

Последняя опора международного империализма в нашей стране — кулачество — ликвидируется как класс на основе все более успешно развивающейся сплошной коллективизации. Это вызывает усиление интервенционистских замыслов международной буржуазии и полнейшее смыкание зарубежных интервенционистов с их агентами внутри страны — Рамзиными, Кондратьевыми и прочими отечественными вредителями.

Наиболее показательной для указанного процесса нового размежевания классовых сил является откровенная ориентация российского и международного меньшевизма, деятелей социал-фашистского II Интернационала, в сторону прямой поддержки интервенции против СССР. Последние писания Каутского у всех в памяти. На процессе «Промпартии»¹ было великолепно продемонстрировано, как меньшевики типа Громана, неонародники типа Суханова вместе с Рамзиным, Федотовым и др. белогвардейцами завязывали сношения с «Торгпромом» и Милюковым, охотно предоставляя им свои услуги по организации диверсионных актов, голода в СССР, расстройства промышленной жизни и прямой измены, — путем выдачи секретных планов и проч. и т. п.

¹ Доклад был сделан до процесса меньшевиков, еще ярче подтвердившего указанные факты.

Среди министров будущего правительства, которое рисовалось в мечтах вредителей из «Промпартии», а также «Трудовой крестьянской партии», фигурировало и имя Е. В. Тарле. Он предназначался в министры иностранных дел.

За Тарле была слава «прогрессивного», «левого» историка, историка рабочего класса. Как же этот левый историк оказался в лагере вредителей?

Я попытаюсь в своем докладе показать классовую сущность его работ, обнажить его классовое лицо, — и тогда мы само собой получим ответ на поставленный вопрос. Не надо забывать, что именно в Ленинграде создавалась и росла слава Тарле, что здесь он обрастал учениками, создавал свою «школу», что, таким образом, остатки «тарлевщины» особенно сильны до сегодняшнего дня как раз в Ленинграде, — и что наш долг, ленинградцев, вскрыть классовое существо «тарлевщины», которая является, как я это постараюсь доказать, по существу синонимом *контрреволюции и фальсификации истории*. Само собой разумеется, товарищи, что в моем, поневоле ограниченном небольшим временем докладе, я не в состоянии охватить решительно все стороны поставленной темы.

Тарле не только в царской России, но и при советской власти находился в гораздо более благоприятных условиях для научного творчества, чем любой из нас, — он при советской власти написал едва ли не больше чем во времена дореволюционные. Именно, в наши дни, уже после революции, Тарле попробовал в целом ряде работ развернуть свою концепцию по вопросам международной политики.

В настоящем докладе я останавлиюсь только на важнейших работах Е. В. Тарле, характерных для его методологической и политической позиции.

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТАРЛЕ.

Среди широкой публики и даже некоторых историков, причисляющих себя к марксистам, Тарле не только слыл за «передового», «прогрессивного», «левого» историка, но и воспринимался ими чуть ли не как полноценный марксист. Это ничего общего не имеет с действительностью. Тарле никогда марксистом не был, хотя и имел некоторое прикосновение в молодости к марксистским кругам.

Для понимания методологических взглядов Тарле нам придется сделать краткий экскурс в прошлое: к концу 90-х гг. прошлого столетия и началу 900-х гг. нашего столетия, когда Тарле складывался, как историк и общественный деятель. Эпоха 90-х гг. в России представляет для историка выдающийся интерес. Русский капитализм, бурно развивавшийся, стал в этот период мощ-

ной силой, подчинившей себе промышленность в городе и проникавшей также и в сельское хозяйство. Окрепшая русская буржуазия, явно недовольная феодализмом, стесняющим свободную игру капиталистических сил, настроена весьма оппозиционно против самодержавия. Но она боится решительной борьбы с абсолютизмом. Она оглядывается уже в ту пору с тревогой на пролетариат, дающий о себе знать совершенно недвусмысленно стачками и глухим недовольством, принимающим и политические формы.

Эти обстоятельства приводят к решительному разложению внутри так называемой «бессловной» русской интеллигенции. Старые, прекраснодушные мечты народников, веривших в возможность перескочить через капитализм прямо в царство мелкобуржуазного равенства «мелких товарных производителей», разлетаются в прах. Реакционная сущность эпигонов народничества становится столь явственной, что от них отворачивается значительная масса интеллигенции. Одна часть ее превращается прямо в трубадуров буржуазии. Самым ярким выразителем этих взглядов становится Струве со своим лозунгом «пойдем на выучку к капитализму».

Лучшие элементы русской интеллигенции образуют первые отряды героической революционной социал-демократии, становящейся во главе борющегося пролетариата. Со второй половины 90-х гг. вождем и создателем пролетарской революционной партии становится Владимир Ильич Ленин.

Между революционной социал-демократией и апологетами буржуазии в этот период завязывается борьба не на жизнь, а на смерть за рабочий класс. Буржуазия стремится сделать рабочий класс придатком к себе, уничтожить его самостоятельность, использовать его как орудие в собственных узко-классовых целях. Революционная с.-д., наоборот, стремится возглавить рабочий класс для его самостоятельной борьбы за собственные интересы и цели.

Наиболее удобной формой овладеть влиянием на пролетариат, подчинить его интересам буржуазии уже в ту пору стал «марксизм» в его ревизионистской форме. Вот почему Струве, Франк, Булгаков и др. проходят через социал-демократию, — чтобы извратить ее сущность, выхолостить из нее революционное содержание, превратить революционный марксизм в «легальный марксизм». Дальнейшим видоизменением этого буржуазного, «легального марксизма» явилось известное «Credo» Кусковой-Прокопович, вышедшее в 1899 г. и ставшее, по существу, идеологической основой выступавшего тогда внутри социал-демократического движения «экономизма».

Именно в этот период (первые работы Тарле относятся к 1896 г.) на общественно-научную арену выступает и Тарле. Он

проделывает почти ту же самую эволюцию, что и его старшие собратья — Струве, Булгаков, Франк и др.: в литературе имеются упоминания о прикосновении Тарле в начале 900-х гг. к социал-демократическому движению. В своих «Революционных силуэтах» т. А. Луначарский, рассказывая о знакомстве с тов. Урицким в Киеве в 1901 г., пишет: «По просьбе местного политического Красного Креста я прочел реферат в его пользу. И всех нас — лекторов и его слушателей, в том числе Е. Тарле и В. Водозова отвели под казацким конвоем в Лукьяновскую тюрьму».¹ Повидимому Тарле вскоре после этого окончательно освободился от всяких «революционных иллюзий» и стал делать свою блестящую приват-доцентскую карьеру, — во всяком случае никаких других данных, свидетельствующих о том, что Тарле продолжал в какой бы то ни было степени хотя бы «сочувствовать» социал-демократии, мы не имеем.

Тем не менее заигрывание Тарле с социал-демократией отразилось на его первых литературных выступлениях. К этому надо прибавить еще следующее. Как ученый Тарле складывался под воздействием своего учителя, известного представителя «русской школы» Лучицкого, от которого он заразился, как мы увидим, пристрастием к Конту и Роджерсу. Прикосновенность, хотя бы и сторонняя, и весьма кратковременная, к социал-демократическому движению, не могла не повлечь за собой и усвоения, конечно, поверхностного некоторых сторон марксизма, правда, в его вульгарном понимании, свойственном «легальным марксистам» вообще. Не надо забывать, что конец 90-х и начало 900-х гг. были временем, когда буржуазные ученые даже несколько «увлекались» марксизмом.

Исторический материализм, — читаем мы у т. М. Н. Покровского, — пошел такой бурной волной, что захватил территорию, далеко выходящую за пределы не только революционных рабочих кружков, но и вообще всего, что так или иначе связано с пролетариатом. Мои слушатели, опять-таки, с трудом поверят, что фронт «экономического материализма»... тянулся от Плеханова и Ленина слева до Ковалевского и Милюкова (!) на крайнем правом фланге. Иные старые люди, помнящие те времена, и до сих пор считают Ковалевского одним из родоначальников исторического материализма на Руси.²

Фронт «экономического материализма» не мог не захватить также и Тарле: черты этой вульгаризации марксизма Тарле пронес до наших дней. Это облегчало ему рядиться в наши дни под «марксиста». Но для понимания своеобразия Тарле, который в противовес, напр. сухому и геллертерскому Струве, — отличался во всех своих выступлениях на научно-общественной арене ради-

¹ А. Луначарский, Революционные силуэты. М. 1922, стр. 58.

² М. Н. Покровский, Задачи общества историков - марксистов («Историк-марксист», т. I, 1926 г.).

кальной фразой, свободолобивыми декларациями, показным «народо-» и «рабочелюбием», — необходимо принять во внимание, что *политически* Тарле складывался на рубеже двух столетий, когда в России явно назревала революция, когда сравнительное затишье предшествующего десятилетия сменилось бурным нарастанием революционных настроений рабочих и крестьянских масс. Так же, как *методологически* Тарле складывался под двойным воздействием идеалистических идей его учителя **Лучицкого** и «экономического материализма», так и *политически* Тарле испытал противоречивое влияние нарастания революционной волны в России и высокой экономической конъюнктуры 1896 — 1900 гг. в Европе, когда, казалось, рабочий класс отказался от своей революционности и вошел в колею мирного сосуществования с буржуазией, пошел за ревизионистской программой Бернштейна.

Этими обстоятельствами объясняется в значительной степени и *тематика* Тарле и его *словесный радикализм*, прикрывающий буржуазную сущность его идей с первых же шагов его научной деятельности. Если Струве просто звал «на выучку к капитализму», то Тарле это делал значительно искуснее: он писал о рабочем классе, о социализме, о революциях. Тарле выполнял «социальный заказ» буржуазии значительно тоньше, чем Струве, приспосабливаясь к более радикальным настроениям предгрозовой эпохи. Но, по существу, Тарле вслед за Струве уже в своих первых исторических работах обосновывает тезис о несамостоятельной политической роли рабочего класса, о том, что пролетариат всегда был, есть и будет придатком буржуазии — и его провиденциальная роль заключается в том, чтобы таскать каштаны из огня для своего хозяина.

Если так называемая «русская школа», во главе с Кареевым и Лучицким, искали доказательств необходимости установления незыблемости буржуазного строя в России на примере разрешения крестьянского вопроса в эпоху Великой французской революции, то Тарле, ученик Лучицкого, переместил центр тяжести своего научного интереса на *рабочее движение* той же эпохи. Но прежде чем заняться непосредственно рабочим движением эпохи Великой французской революции, необходимо было проследить корни социализма, который в конце XIX в. был уже синонимом рабочего движения. Вот почему первая диссертация Тарле посвящена Томасу Морю. Вот почему значительная часть его статей, которые Тарле печатал в толстых, прогрессивных журналах эпохи, в «Мире божьем», «Вестнике Европы» и др., а затем собрал в особую книгу «Очерки и характеристики из европейского общественного движения», — значительная часть его статей посвящена рабочему движению, осмыслению политической роли рабочего класса в истории.

Таким образом, тематика Тарле не случайна: она выросла из

потребности русской буржуазии в России в конце 90-х гг., перед лицом надвигающейся революции, осмыслить историю рабочего движения, чтобы по-своему, в своих классовых интересах, истолковать современную роль рабочего класса и использовать его в собственных целях. Поскольку буржуазии этого периода приходилось выступать значительно более радикально, чем в начале 90-х гг., постольку ее апологеты прибегали и к революционной тематике, и к звонкой фразе. Виртуозно все это проделал Тарле: в 900-х гг. он выполнял на исторической арене ту же роль, какую Струве сыграл несколько раньше в области экономической науки, — и с тех же методологических позиций, что и Струве.

В самом деле, что является сущностью «струвианства»? Ленин определяет эту сущность в следующих выражениях:

Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности процесса, и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс.¹

Раскрывая эту характеристику «струвианства», Ленин показывает, как «узкий объективизм» Струве приводит его к апологии господства буржуазии. Среди наиболее важных черт, образующих струвиальность «узкий объективизм», отмеченных Лениным, остановимся на следующих: 1) Струве, по словам Ленина, приводит доказательства «исторической неизбежности и законности капитализма в широком смысле». Для этого он вносит в вопрос об исторической ограниченности капитализма, неизбежности смены его новым, социалистическим строем «важный корректив», — вместо «пропасти», отделяющей капитализм от социализма, Струве признает «целый ряд переходов». 2) В капитализме Струве видит только один признак — «господство менового хозяйства», но не видит второго признака — «присвоения прибавочной стоимости владельцем денег». 3) Струве трактует государство, как вечный институт, который был в родовом строе, будет и в будущем, ибо государство — это «организация порядка». 4) Струве смазывает «усиление неравномерности при капитализме». Наконец, 5) Струве в ряде случаев заменяет классовый анализ анализом биологическим — является, напр., сторонником закона Мальтуса.²

Анализ ранних работ Тарле показывает, что он обеими ногами стоит на позициях «струвианства». Прежде всего, Тарле стремится внести в марксизм тот же «корректив», что и Струве. Он, вслед за Бернштейном доказывает, что Маркс оказался «не-

¹ Ленин, Соч., 1-ое изд., т. II, стр. 152.

² См. Ленин, цит. работа.